

Янь Цзинь полагал, что Чжоу Ли, столкнувшись с холодным приемом, разозлится и уйдет, хлопнув дверью. Однако, к его удивлению, гнев Чжоу Ли необъяснимым образом утих. Тот некоторое время пристально смотрел на Янь Цзиня и наконец произнес:

— Пришел навестить одного друга.

Вот оно что.

Вполне логично. Это госпиталь военного округа, так что если кто-то из знакомых Чжоу Ли и попал в больницу, то только сюда.

Никто не говорил ему, где он находится, но Янь Цзинь узнал эмблему на стене. Он даже знал, что лежит в третьем кабинете — лучшем отделении во всем Хельте по лечению внешних травм. Он был искренне благодарен Хэ Сы за то, что тот устроил его именно в эту клинику. Похоже, даже у медсестер, дежурящих в коридоре, происхождение было куда знатнее, чем у него самого.

Интересно, кто же это... настолько болен, что оказался здесь.

Снова повисло долгое молчание. Солнце дюйм за дюймом клонилось к закату, яркие облака на горизонте постепенно тускнели. В палате не зажигали свет, и в сумерках фигура Чжоу Ли медленно сливалась с темнотой.

Так продолжалось, пока не пришла медсестра сменить повязку. Внезапно вспыхнувший яркий свет резанул по глазам, и Янь Цзинь машинально зажмурился. Его кожа под лампами казалась неестественно бледной, лишенной всякой крови, щеки ввалились, а подбородок стал пугающе острым.

Увидев альфу, стоящего у кровати, медсестра испуганно воскликнула:

— Вы кто такой? Как вы сюда попали? Посещения этого пациента запрещены...

Сердце Янь Цзиня пропустило удар: он боялся, что Чжоу Ли узнают и это доставит ему неприятности. Он нервно поднял голову, но увидел, что Чжоу Ли лишь усмехнулся. Не обращая на медсестру никакого внимания, он надел темные очки и вышел.

Медсестра подошла к нему:

— Друг?

Янь Цзинь покачал головой. Не совсем друг.

— Тогда почему ты не зовешь персонал? — в ее голосе прозвучал упрек. — Через пару дней снимут швы, выпишешься, так что не наживай лишних проблем.

Янь Цзинь кивнул и протянул правую руку, позволяя медсестре делать свое дело.

Когда она ушла, в палате снова воцарилась тишина. Янь Цзинь молча смотрел в окно на небо.

В Есине небо было красивее, подумал он. Пусть там не было звезд, зато было много птиц. Днем они грелись на подоконнике, а вечером клевали крошки хлеба.

Вежлив и отстранен? Чуть собачья. Это всего лишь маска, а натура ничуть не изменилась.

Даже после того, как он дал такой явный отказ, Чжоу Ли все равно продолжает приходить.

Как же это раздражает.

Впоследствии Чжоу Ли навещался еще дважды. Приходил быстро и так же быстро уходил, и, поскольку медсестры в эти моменты не было, Янь Цзинь не стал придавать этому значения.

Он покинул дом семьи Чжоу, его больше ничего не связывало с этим человеком, но все же двенадцать лет совместной жизни — не шутка. Зайти по пути, чтобы взглянуть на него, было вполне в духе Чжоу Ли.

Однако каждый раз, когда тот садился на диван напротив, Янь Цзинь чувствовал, как по спине пробегал холодок. Ему отчаянно хотелось, чтобы Чжоу Ли перестал приходить — пусть лучше сделает вид, что этих двенадцати лет просто не существовало.

Вспоминать было нечего.

Раздался щелчок дверного замка. Янь Цзинь, читавший книгу на койке, удивленно взглянул на часы, а затем на дверь.

Врачи, медсестры или те, кто приходил по делу, всегда стучали...

Значит, Чжоу Ли снова пришел?

Кто же этот больной? Ради кого Чжоу Ли уже трижды — нет, если считать сегодняшний день, четырежды — прибежал в госпиталь? Янь Цзинь был заинтригован и в то же время раздражен. Этот неизвестный пациент вынуждал его раз за разом лежать в кровати, принимая визиты молодого господина Чжоу.

Так и есть. В дверях появился безупречно одетый в костюм молодой господин Чжоу. Он постоял у кровати, свысока оглядывая Янь Цзиня, а затем широким шагом прошел к дивану и сел.

Каждый раз одно и то же: входит молча, проводит инспекцию, а потом просто пялится на Янь Цзиня с тем самым высокомерным, не терпящим возражений видом.

За последние два дня Янь Цзиню стало лучше, он мог управлять своим телом. Отложив книгу на прикроватную тумбочку, он слегка подался вперед:

— Доброе утро.

Он по-прежнему не знал, как обращаться к Чжоу Ли.

Чжоу Ли проигнорировал приветствие. Подперев подбородок рукой и закинув ногу на ногу, он помолчал, а затем внезапно спросил:

— Когда выписываешься?

Честно говоря, Янь Цзинь не знал.

В последнее время ни из отдела разведки, ни из министерства иностранных дел к нему никто не заглядывал, и Янь Цзинь оказался в информационной изоляции. Спрашивал медсестру — та отвечала, что нужно ждать распоряжения начальства. Спрашивал Цю Туна, что говорят в штабе, — тот лишь жаловался, что в госпитале не держат слова и снова запретили ему навещать Янь Цзиня.

Янь Цзинь, глядя на ботинки Чжоу Ли, тихо покачал головой. Края кожаных туфель были грязноваты... Хотя молодой господин Чжоу и был одет официально, выглядел он крайне неряшливо. Янь Цзинь заметил это, как только тот вошел.

Про ботинки и говорить нечего: галстук съехал набок, верхние пуговицы рубашки расстегнуты, полы выбились из брюк.

Непонятно, что у Чжоу Ли было сегодня в планах, раз он так оделся... Сказать, что неформально — так ведь в костюме и галстуке; сказать, что официально — нет, язык не поворачивается.

Вряд ли в таком виде он собирался навещать старших.

Чжоу Ли долго молчал, и Янь Цзинь решил спросить сам:

— Кто заболел?

Кого именно навещал Чжоу Ли — это его личное дело, и изгнанного из семьи Янь Цзиня это не касалось, да и не его это дело — проявлять заботу.

Но любопытство пересилило. Если Чжоу Ли ответит — хорошо, если не захочет и сочтет вопрос неуместным, разозлится и уйдет — что ж, избавиться от этого божества пораньше было бы даже неплохо.

Чжоу Ли поудобнее устроился на диване, выдержал паузу в несколько секунд и бесстрастно произнес:

— Чжэнь Ань.

Янь Цзинь выудил из глубин памяти это имя. Родной младший брат Чжэнь Юна.